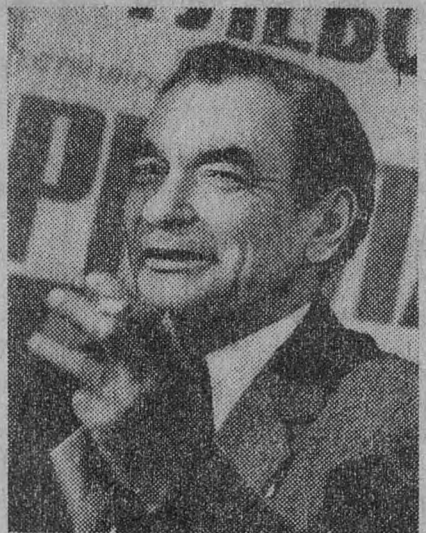


МАСТЕРА ИСКУССТВ

Петр ГЛЕБОВ:

«ЖИВУ

СОВРЕМЕННОСТЬЮ»



Есть люди, с которыми сходясь легко и непринужденно. К таким людям относится и Петр Петрович Глебов, народный артист СССР, актер интересной творческой биографии.

Когда на встречах со зрителями его спрашивают, как ему, горожанину, удалось так убедительно сыграть сложнейший образ Григория Мелехова, создать на экране характеры простых крестьян, мужиков, он улыбается, вспоминая подмосковное Дарьино, где провел свое детство и отрочество. Неброская русская природа открылась ему там своей сдержанной красотой, очаровывающей на всю жизнь. Страсть к охоте, перешедшая от отца, и сегодня владеет им, время от времени выманивая из города. Понимание природы у него не книжное, как и любовь к земле, уважение к крестьянскому труду, знание быта и говора простых людей — все, что мы видим, скажем, в том же Григории Мелехове. Актеру Глебову не нужно было учиться верховой езде: мальчишкой гонял он лошадей в ночное, тогда же научился владеть косою, ходить за плугом... Все это часть его жизни.

Но определили его судьбу две встречи: с К. С. Станиславским и С. А. Герасимовым.

Первая произошла все в том же Дарьино, где великий реформатор сцены отдыхал на даче. Понятно, что этот седой старик в пенсне, который постоянно вмещивался в представления, разыгрываемые деревенскими ребятишками на опушке леса, воспринимался ими обыкновенным дачником.

— Репетировали мы сказку К. Гоцци «Принцесса Туррандот», — рассказывает П. Глебов. — Брат Федор изображал короля и по-королевски, как ему казалось, сидел на троне. Прогуливавший неподалеку Константин Сергеевич вдруг подошел и начал объяснять, как подобает сидеть королю. «Представь себе, что ты должен увидеть со своего места не только все Дарьино, но и Жаворонки, и даже Москву за лесом». Федя вытравившись, как мог, очень ему хотелось на короля походить и на столицу поглядеть. Но вот самодельный трон покачнулся; мальчик полетел прямо в овраг. И смех, и слезы. Я в том спектакле играл Панталоне. Мне вообще почему-то все время доставались роли комических...

Знающие Петра Петровича этому нисколько не удивлялись: юмор, шутка постоянно присутствуют в его речи. И даже когда он серьезен, под казачьим разлетом бровей, кажется, вспыхивают озорные искорки. Уверен, не многие видели его угрюмым или раздраженным. Не в его это характере.

Да, те встречи не остались бесследными, хотя семена их проросли не сразу. Тяга к природе определила и первый жизненный выбор — мелиоративный техникум, после которого пару лет работал на речке Богучарке на воронежской земле. И лишь в

1937 году он держит экзамены в студию К. С. Станиславского.

Студийцам того поколения повезло — их пестовали прославленные мастера театра: М. Кедров, В. Орлов, М. Яншин, О. Андровская, М. Лилина. Но особенно памятные, конечно, занятия с К. С. Станиславским.

— Он учил нас искусству переживания. Не играть, а жить на сцене. И если я чего-то добился в своей артистической жизни, то благодаря тому, что всегда помнил завет учителя и потому, что живу современностью, — говорит П. Глебов.

Театралы послевоенной поры помнят его по драматическому театру имени К. С. Станиславского в разнохарактерных и разноплановых ролях. Играл он и жгучих любовников с гитарами в музыкальных комедиях, и колхозных бригадиров, и лихих командиров. Это был крепкий актер хорошей школы, с равным успехом умеющий сыграть в спектакле классического и современного репертуара. Но особенно ярко дарование П. Глебова выявил кинематограф. И случилось это после встречи с С. А. Герасимовым.

Как рассказывал Сергей Анпилов, встреча эта произошла в трудный для него час раздумий и поисков главного героя для фильма «Тихий Дон» по шолоховской эпопее.

— Я просмотрел сотни фотографий артистов из многих городов страны, — вспоминает режиссер, — но Григория Мелехова среди них не обнаружил. И вдруг на одной из проб, где несколько актеров, игравших офицеров из окружения Листницкого, примеряясь к тексту, рассуждали о событиях февральской революции, я услышал голос, как мне показалось, необыкновенный. «Кто это?» — спросил я у ассистента. «Глебов, актер театра Станиславского. Хотим попробовать его на роль второго офицера», — был ответ.

Но вот включили свет, и мастер опять разочаровался. Пожалуй, лишь глаза привлекали его внимание. И еще не веря в затею, попросил загримировать Глебова в главного героя.

Сомнения одолевали до следующего дня, пока в коридоре студии С. Герасимов не столкнулся с Григорием Мелеховым, будто сошедшим с иллюстраций Верейского. И тут же С. Герасимов отвел П. Глебова в свой кабинет и попросил прочесть любой отрывок из романа. И когда тот, раскрыв книгу, начал, голос его без всякой натури, очень естественно и просто слился с шолоховским текстом, все более рассеивая сомнения в правильности режиссерского решения. И, уже как бы в подтверждение этому, увидевший снятые пробы М. А. Шолохов воскликнул: «Так это же он!».

Но главные достоинства Мелехова, сыгранного Глебовым, как мы знаем, не во внешней узнаваемости, портретной схожести, а в той высокой правде образа, смоделировать, высчитать кото-

рую, как и вдохновение, практически невозможно. Питает эту правду образа прежде всего личность актера. От знания, что играть, через глубокое проникновение в образ, когда совмещаются личности персонажа и актера. Помните, как бросает обреченному Подтелкову Мелехов слова жестокие, злорадные, в которых, однако, звучит и отчаяние мятущегося человека: «Под Глубской бой помнишь? Помнишь, как офицеров стрелял... А теперь отрываемся! Не одному тебе чужие шкуры дубить! Ты, поганка, казачков продай! Ишо сказать?». Верим мы и другой грани характера героя, проявившейся совсем неожиданно в сложной психологической сцене, когда он на истерической ноте выкрикивает: «Братцы!.. Кого рубил?! Кого-о? Нету мне спасения, братцы! Предайте земле...». И остается лишь догадываться о переживаниях актера в заключительной сцене прощания с Аксиньей, когда, как мы помним из романа, Григорий увидел над собой черное небо и черное солнце — воздаяние за содеянное, искупление за жизнь будущую. Эта сцена, думаю, одна из лучших в советском и мировом кинематографе.

Да, поверить киноверсии известного романа и принять пришедшего к нам с экрана Мелехова мы смогли лишь тогда, когда увидели, что актер не только «драму судьбы», но и каждое слово пропускает через сердце, каждый жест делает своим. Собственно, в этом смысл одного из заветов его учителя К. С. Станиславского.

После этого, пока не превзойденного образа, П. Глебов сыграл не один десяток ролей — Половцева в «Поднятой целине», майора Лунина в «Балтийском небе», Сальери в ленте «Моцарт и Сальери», Сторожева в фильме «Одиночество», атамана Федулова в «Емельяне Пугачеве», отца Павла в картине «Мужики!..», генерала в «Польня—трава горькая»... Только что на экраны вышла новая работа П. Глебова в фильме «Формула света». Без особых режиссерских открытий, фильм еще раз продемонстрировал нам разносторонность актерского дарования П. Глебова уже в роли нашего современника — руководителя огромной стройки.

Последние работы П. Глебова в кино интересны тем, что в них он соединяет весь свой актерский и жизненный опыт. Впрочем, подлинных удач к П. Глебову всегда приходили именно тогда, когда он, раскрывая истинные черты простого русского человека с его состраданием к боли другого, невольно поднимался до символического обобщения национального характера. К этому, думается, предрасполагают и своеобразие таланта, и творческий метод актера, позволяющие ему видеть всю красоту и многообразие окружающего мира.

П. ТАТАУРОВ.
Фото Ю. Афонина.